



## Что такое еврей?

*Раф Агин Штейнзальц*

Вопрос: что такое еврей? - это важный вопрос, интересующий каждого, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к еврейству, а обсуждение этого вопроса и исчерпывающий ответ на него позволили бы евреям разрешить свои сомнения в том, евреи ли они. Вопрос этот затрагивает самые важные аспекты сущности и бытия еврейского народа. Исчерпывающее и содержательное определение даст возможность установить, существуют ли сегодня евреи, и до каких пор они будут существовать, имеется ли у еврейства внутренняя сущность, не поддающаяся под то определение, которое еврейство получает извне от разного рода антисемитов. При этом неважно, будет ли такая дефиниция носить национальный, религиозный или биологический характер и каковы окажутся ее составляющие, - важно, чтобы она затрагивала самую суть проблемы, а значит, и определяла рамки еврейского бытия.

На протяжении многих веков такой вопрос попросту не существовал. Принадлежность к еврейскому народу связывалась с принятием определенного образа жизни; евреем назывался человек, принявший те верования и тот способ существования, которые диктовал ему иудаизм. Любое сознательное отклонение от этого образа жизни, будь то в теории или на практике, расценивалось как измена еврейству во всех его проявлениях, и речь здесь идет не только о тех евреях, которые приняли другое вероисповедание.

Такое положение вещей, существовавшее в течение долгого времени, стало изменяться в девятнадцатом столетии с возникновением движения Аскала. Все больше и больше евреев стали частично или полностью отказываться от фундаментальных предписаний исторического иудаизма, но тем не менее евреи эти не переходили в другую веру и продолжали считать себя евреями. Если в девятнадцатом веке число таких людей было незначительным, а иногда и вовсе сходило на нет, то в тридцатые годы нынешнего столетия их уже, несомненно, было большинство в еврейском народе. Возникла серьезная проблема: как определить их еврейство? Что такое еврей - применительно к этим людям?

Все это относится не только к тем евреям, которые сами себя считают совершенно нерелигиозными, но и к различным идеологическим течениям в нынешнем иудаизме. Реформаторы, а в определенном смысле также и большинство консерваторов, не исповедуют иудаизм в исконном, историческом значении этого слова. Что касается их, то дело здесь не в различии Галахи и религиозной практики, а также не в приятии или неприятии некоторых положений веры. Многие века сама возможность спора служила фактором, объединяющим различные течения иудаизма. Когда спорящие стороны основывали свои представления на одних и тех же первоисточниках, одинаково авторитетных для них, то даже в случае разногласий по поводу толкования Писания или смысла книги Зоар, у спорящих сторон всегда имелся общий базис, как бы далеко ни расходились их выводы. Разумеется, и в наши дни возникают подобные споры, касающиеся проблем Галахи и основоположений веры. Что же касается большинства евреев нашего времени, в том числе верующих, то между ними существуют расхождения не только в выводах, но и-и это более существенно - в тактике расхождения, которое лишает их общего базиса в споре.

С этой точки зрения, лишь ортодоксальный иудаизм (здесь имеется в виду не политическое течение и не определенная конфессия, а образ жизни и мировоззрение) способен выдержать подобное испытание. Каким бы странным это ни казалось, но при создавшемся положении вещей лишь представители незначительной части народа могут быть названы евреями в полном смысле слова. Поэтому вопрос "что такое еврей?" приобретает иную, не менее важную формулировку: существует ли (а если нет, то может ли быть) такое определение, под которое подпадало бы большинство евреев нашего времени?

### ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Теоретически нетрудно выделить такие черты характера, способ мышления и абстрактные идеи, на основании которых можно было бы дать определение сути современного еврейства или, по крайней мере, попытаться представить себе возникновение этой сути в будущем. Однако сомнительно, что пути к определению понятия "еврей" могут быть найдены вне связи с еврейской историей.

В жизни еврейского народа история играла иную роль, чем в жизни любого другого древнего народа. Понятно, что еврейское прошлое обладает особым значением при выработке концепции еврейского народа. Всякая нация или народность приобретает свою специфику и превращается в нечто единое благодаря наличию некоторых обстоятельств, таких, например, как родная земля, единство языка и культуры, общность происхождения или общее прошлое. Но у еврейского народа в его современном состоянии нет общей географической родины. Исконный его язык - это язык культуры для некоторой части народа, а не живой его язык, не язык повседневности. А с оскудением религии не осталось у евреев объединяющей их общей культуры, ибо еврейская культура представляет собой литера-

турные и иные проявления иудаизма. Само собой понятно, что существует ивритская культура и, быть может, культура светского еврейства, но такая культура не является всееврейской и не имеет отношения ко всему народу в целом. Ивритская литература - даже самая первоклассная и высокохудожественная - удовлетворяет потребности лишь граждан Государства Израиль и носителей языка иврит. С этнической же точки зрения трудно утверждать, что существует такой этнос, как евреи. Даже попытки антисемитов отыскать общие этнические черты, объединяющие евреев, потерпели неудачу. Географическая разобщенность, с одной стороны, и принятие в свою среду прозелитов - с другой, за долгие века размывали черты общего этнического происхождения евреев. Особенно важна проблема прозелитов. Можно констатировать, не вдаваясь в подробности того, сколь велика доля прозелитов и их потомства среди еврейского народа, что сам факт вхождения их в еврейскую среду и растворения в ней лишает силы концепцию этничности общности евреев. Отсюда следует, что общее прошлое и еврейская история занимают важнейшее место в определении понятия еврейства. Более того: история еврейского народа это его родина.

Нам хотелось бы подчеркнуть, что лишь эта дефиниция является определением национальности, тогда как конфессиональная дефиниция носит в значительной мере внеисторический характер. Поскольку, согласно рабби Саади-гаону, "наша нация только благодаря Торе своей является нацией", а Тора, взятая сама по себе, не может рассматриваться как культурно-историческое явление, то всякий, кто придерживается Торы в ее данности, может считаться евреем, и роли здесь не играют ни его прошлое, ни предшествующая история еврейской культуры. Это значит, что обоснование еврейства приводит к исторической дефиниции только в том случае, если это обоснование осуществлено не с религиозно-галахической точки зрения. Другими словами, всякое определение того, что такое еврей, не базирующееся на еврейском прошлом, не только не может считаться правомочным в историческом аспекте, но и лишено смысла с точки зрения современности.

Любое определение еврейства, даже предельно далекое от простой и ясной концепции еврейского прошлого, неизбежно окажется связанным с этой концепцией. Быть может, следовало бы выразить сущность еврейства в дефиниции, более приближенной к проблемам наших дней, но в любом случае эта дефиниция будет включать в себя все еврейское прошлое.

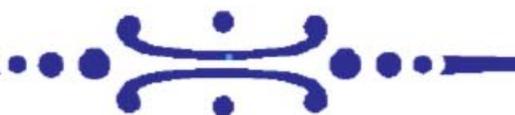
Содержательный ответ на вопрос, что такое современный еврей, связан, следовательно, с нахождением такого определения, которое отвечало бы менее строгим критериям, чем требования ортодоксального мировоззрения.

Не выдерживают критики большинство израильских определений, связывающих еврейство с существованием еврейского государства, а также попытки определить еврейство с помощью выражения "светоч народов", ибо это определение носит столь общий характер, что почти не содержит в себе никакого смысла. "Ожившая пустыня", "социалистическое общество" или "вера в избавление", - даже если все эти определения сложить вместе, не приобретут никакой специфики. Та же участь постигла тех, кто пытался дать искомое определение намоного раньше. К примеру, определение всего свода заповедей через предписание "Возлюби ближнего, как самого себя" содержит в себе, безусловно, некую специфику, однако в качестве самостоятельного определения, вне связи с 613 заповедями, оказывается столь отвлеченным, что перестает быть понятным. Общим во всех этих попытках определить еврейство оказывается то, что все они внушают мысль об отсутствии у еврейства (разумеется, не у иудаизма) какого бы то ни было собственного содержания.

Мало того, подобные определения приводят к негативистским выводам относительно еврейства как такового. (Ибо явление, лишенное содержания, не стоит того, чтобы им дорожили). Большинство таких дефиниций являются негативистскими по самой сути, ибо пытаются избежать указания на специфику, обособливающую и пугающую. Поскольку же они хотя бы определены, в которых отсутствует отчуждающая специфика, они немедленно оказываются лишенными какого-либо конкретного смысла.

Вывод из всего этого чрезвычайно прост, хотя может показаться странным: чтобы определение того, что такое еврей, обладало конкретным смыслом, а не было маловразумительной абстракцией, оно должно явным образом заключать в себе указание на еврейскую специфику, на то, чем еврей отличается от любого другого человека. Тому, кто строит свое определение еврейства через понятие 613 заповедей, нет нужды объяснять, что он имеет в виду еврейство, а не буддизм. Иначе обстоит дело с краткими определениями. Для того чтобы она не только давала общее определение, но и подчеркивала особенности еврейства. И даже в своей самой общей форме: еврейством является такая-то идея, такая-то система верований, - она должна все-таки говорить об евреях.

Определения того, что такое еврей, в той или иной степени базируются на связи между этим понятием и понятием еврейского народа. Говорят ли они о настоящем или обращаются к прошлому, они в любом случае должны иметь касательство к евреям. Поэтому для того, чтобы понять еврейство любой эпохи, необходимо выработать определенную концепцию, объясняющую сущность национальных связей между евреями на протяжении многих веков.



# Бабий Яр

Светлой памяти Евгения Евтушенко

(Отрывок из книги «От Станции Зима к Бабьему Яру» Д.Цвибеля)



В книге мемуарной прозы «Волчий паспорт» Е.Евтушенко пишет: «Я давно хотел написать стихи об антисемитизме, но эта тема нашла свое поэтическое решение только тогда, когда я побывал в Киеве и воочию увидел это страшное место, Бабий Яр». Евтушенко приехал в Киев вместе с Анатолием Кузнецовым, автором романса-хроник «Бабий Яр», впоследствии в искверканном виде опубликованном в 1966 году в журнале «Юность» с потрясающими иллюстрациями Соввы Бродского (полностью роман был опубликован только после бегства автора за границу в 1970 году в Лондоне издательством «Посев»), и с Виктором Некрасовым, автором прославленной книги «В окопах Сталинграда», много сил потратившим на борьбу за память о Бабьему Яре. Тогда в Бабьему Яру не было никаких следов, напоминавших о произошедшей трагедии. Советская власть пыталась вообще уничтожить не только всякое упоминание об этом месте, но и сам Бабий Яр, и был проект строительства дороги и стадиона, чтобы окончательно стереть всякое напоминание о том, что здесь находилось. Вот как вспоминает об этой поездке А.Кузнецов:

«Мы стояли над крутым обрывом, я рассказывал, откуда и как гнали людей, как потом ручей вымывал кости, как шла борьба за памятник, которого так и нет. «Над Бабьим Яром памятника нет...» - задумчиво сказал Евтушенко, и потом я узнал эту первую строчку в его стихотворении. Я не противопоставлял ему свою книгу, просто размер романа позволял рассказать о Бабьему Яре куда больше и во всех его аспектах. В некоторых зарубежных изданиях к моему роману вместо предисловия ставили стихотворение Евтушенко, что лучше всего говорит само за себя». И это не случайно. Общественный резонанс стихотворения Евтушенко был поистине огромным.

Илья Левитас, Президент Еврейского совета Украины, председатель Фонда «Память Бабьего Яра», 40 лет своей жизни потративший на составление поименного списка погибших в Яру, вспоминает о том, какое впечатление произвело на него первое публичное чтение это стихотворения, которое можно назвать великим:

«В середине сентября 1961 г. поэт Евгений Евтушенко впервые прочел свое стихотворение «Бабий Яр», сделавшее его всемирно известным. Мне посчастливилось быть в этот день на творческом вечере поэта, который проходил в Москве в Политтехническом музее. Задолго до начала вся площадь перед музеем была заполнена людьми, жаждавшими билетов. Порядок обеспечивала конная милиция. Несмотря на наличие билета, я долго пробирался к зданию музея и с трудом попал на балкон третьего яруса. Евтушенко опоздал на 40 минут, он сам не смог пробиться через плотную толпу людей. Помогли милиционеры, буквально на руках внесли его в музей. В зале были заполнены не только все проходы, но и сцена, где вплотную стояли стулья, а там, где их не было, люди просто садились на пол. Для поэта была оставлена площадь не более одного квадратного метра. Евтушенко читал свои уже известные стихи и новые, написанные после недавней поездки на Кубу. Однако чувствовалось, что публика ожидает чего-то необычного. И вот в конце второго отделения Евтушенко объявил: «А сейчас я вам прочитаю стихотворение, написанное после моей поездки в Киев. Я недавно вернулся оттуда, и вы поймете, о чем я говорю». Он вынул из кармана листки с текстом, но, по-моему, ни разу в них не взглянул. И раздалось в замершем зале медленное чеканное: «Над Бабьим Яром памятников нет...». В мертвой тишине слова поэта звучали, как удары молота: стучали в мозг, в сердце, в душу. Мороз ходил по спине, слезы сами текли из глаз. В зале в мертвой тишине послышались всхлипывания. В середине стихотворения люди начали, как замороженные, подниматься и до конца слушали стоя. И когда поэт закончил стихотворение словами: «Я всем антисемитам, как еврей, и потому - я настоящий русский!», - зал еще какое-то время молчал. А потом взорвался. Именно «взорвался». Тому, что произошло, я не могу найти другого слова. Люди вскакивали, кричали, все были в каком-то экстазе, необузданном восторге. Раздавались крики: «Женя, спасибо! Женя, спасибо!» Люди, незнакомые люди, плакали, обнимали и целовали друг друга. И это делали не только евреи: большинство в зале были, естественно, русскими. Но сейчас не было в зале ни евреев, ни русских. Были люди, которым надеялась ложь и вражда, люди, которые хотели очиститься от сталинизма. На дворе 1961 год, наступила знаменитая «оттепель», когда народ после многих лет молчания получил возможность говорить правду. Ликование продолжалось долго. Образовался коридор, по которому десятки людей подносили поэту букеты цветов, затем их стали передавать по цепочке. Цветы клали прямо на сцену к ногам поэта. «Женя, еще! Женя, еще!» - кричали люди, а он стоял, огуленный и растерянный. Наконец Евтушенко поднял руку, зал затих. Никто не садился: стихотворение слушали стоя. И после второго раза «Бабий Яр» звучал и как память о погибших евреях, и как осуждение антисемитизму, и как проклятие прошлому. Впервые во весь голос было сказано, что в Бабьему Яре были расстреляны не просто «мирные советские люди», а евреи. И только потому, что они были евреями».

Но настоящей сенсацией стала, конечно же, последовавшая публикация этого стихотворения в «Литературной газете» 19 сентября 1961 года

(19 сентября 1941 года немцы вошли в Киев). Как признавался сам автор, стихи возникли быстро, как бы сами собой. Он отнес их в «Литературную газету». Сначала он показал их друзьям. Они не скрывали своего восхищения не только смелостью молодого поэта, но и его мастерством, однако весьма пессимистически высказались по поводу возможности его публикации, и, зная, чем все это может кончиться, попросили, на всякий случай, сделать им копии. И все же произошло чудо: уже на следующий день стихотворение было опубликовано, да еще на первой полосе! (Необходимо отметить гражданское мужество главного редактора «Литературной газеты» В.Косолапова: он-то прекрасно понимал, чем рискует, и все же, опубликовал стихотворение в своей газете.) Сам факт публикации «Бабьего Яра» был из ряда вон выходящим событием и произвел в обществе шок. Все номера газеты, где было опубликовано стихотворение, мгновенно разошлись, стали библиографической редкостью и потом много лет хранились у тех счастливых, кому удалось их приобрести. Эта газета передавалась из рук в руки, зачитывалась «до дыр», а само стихотворение переписывалось и ходило по рукам. Как вспоминает сам Евтушенко: «Уже в первый день я получил множество телеграмм от незнакомых мне людей. Они поздравляли меня от всего сердца...»

Такая реакция была обусловлена тем, что впервые еврейская тема открыто прозвучала со страниц официального издания, прозвучала с положительной коннотацией, с состраданием к евреям, с осуждением антисемитизма, косвенно публично признав его существование в Советском Союзе. Конечно, это было еще очень далеко до официального признания наличия антисемитизма в стране победившего социализма, но сам факт публикации тогда внушал надежду на это, или, во всяком случае, на то, что в дальнейшем проявления антисемитизма будут пресекаться на государственном уровне (последующие события развеяли эти иллюзии).

Стихотворение Евтушенко признавало публично факт существования антисемитизма в Советском Союзе. Тут нужно пояснить, что сама тема антисемитизма в СССР была под запретом. Согласно советской идеологии такого явления не могла быть в стране, провозгласившей равенство всех народов и счастливое сосуществование всех наций под знаменем марксизма-ленинизма. Факт расстрела людей фашистами в Бабьему Яру не отрицался, но нигде не разрешалось говорить о том, что, в основном там уничтожались евреи. По официальной версии, а другой в то время и не могло быть, там расстреливались советские люди. И все попытки как-то выделить евреев пресекались, что говорится, «на корню». Недаром в свое время была уничтожена «Черная книга», составленная Василием Гроссманом и Ильей Эренбургом, где были собраны материалы об уничтожении миллионов евреев на территории, оккупированной фашистами, хотя, казалось бы, советское государство, понесшее неисчислимые жертвы во время Второй мировой войны, должно было, по логике вещей, быть в этом заинтересовано. Но вся история Советского Союза со времени конца тридцатых годов и до своего распада, говорит об обратном.



Юрий Дмитриев возлагает книгу «От Станции Зима к Бабьему Яру» к памятнику в Бабьему Яру

## Имре Кальман и Вера Макинская. История любви из оперетты

Существует мнение, что настоящая любовь не подчиняется никаким этическим и моральным нормам. Порой она превращает взрослых людей в пятнадцатилетних подростков. Влюбленные часто совершают странные, с точки зрения окружающих безумные поступки. Любовь подобна болезни, когда больно отвергает любые средства для излечения своего злостного недуга и сам в свою очередь не желает поправиться. А болезнь эта может случиться с каждым. Не исключая и талантливых людей, каким и был выдающийся венгерский композитор, автор бесконечно любимых во всем мире оперетт «Сильвы», «Марицы», «Баядеры», «Принцессы цирка» и других. Вы уже, наверное, догадались, о ком идет речь. Неумолимый классик венгерской сцены, блестящий композитор Имре Кальман также не миновал счастливой участи влюбиться.

В жизни и творчестве Имре Кальмана большую роль сыграли три женщины. Первая - Паула Дворжак, светская дама из Зальцбурга, ставшая его женой, - создала ему домашний уют, спокойствие и вселила в него уверенность в собственных силы. Он остался с ней до конца ее жизни. Двум другим он посвятил свои лучшие оперетты. Это венгерская графиня Агнеш Эстерхази, звезда немого кино. Ее образ послужил прототипом сразу трех любимых героинь Кальмана - Сильвы, Марицы и Теодоры («Принцесса цирка»). Агнеш была возлюбленной Кальмана, с которой он решительно порвал, как только узнал о ее измене. Однако, несмотря на упорные разговоры его семьи жениться на этой блистательной аристократке и несмотря на все слезы и мольбы самой графини о прощении, Кальман остался непреклонен. В его жизни появилась третья, и самая главная женщина - Вера Макинская. Русская по происхождению, девушка из Перми, волею судьбы оказавшаяся в Европе, к моменту встречи с Кальманом владича жалкое существование получившей «красотки кабаре». Вера мечтала стать актрисой, надеясь на свою прелесть и внешность и, как она считала, на свой талант. Несмотря на это, ей не удавалось найти постоянную работу и приходилось скитаться вместе с матерью по театрам европейских столиц, где молодая статистка пыталась пробиться на сцену, но судьба оказывалась к ней не благосклонна.

История любви Имре Кальмана и русской эмигрантки Веры Макинской могла бы лечь в основу сюжета хорошей оперетты или бульварного романа. Бедная девушка, мечтающая о сценической карьере и мировой славе, случайно встречает человека, который не только вводит ее в мир кулис, но предлагает ей руку и сердце, к тому же предоставив в ее распоряжение все свое богатство.

Впервые Вера встретила с известным композитором случайно. Это произошло в 1926 году в берлинском театре «Метрополь». «Я стояла за кулисами рядом с Кальманом, и он поинтересовался, кто я по национальности. Может, венгерка? «Нет, - сказала я, - русская» На что он воскликнул: «Господи, кто за участь - с таких юных лет скитаться на чужбине!»

Их вторая встреча произошла через два года, в одном из венских кафе, куда Вера, работавшая в то время танцовщицей в баре и едва сводившая концы с концами, приходила в надежде познакомиться с каким-нибудь богатым господином, который, если она ему понравится, сразу решил бы все ее финансовые трудности. «Мое внимание привлек симпатичный мужчина с усиками, - вспоминает она. - Когда я впервые увидела его, он был в цилиндре и как раз раскланивался с Оскаром Штраусом, автором оперетты «Последний вальс», а я сказала подружкам, что это, должно быть, какой-нибудь банкир». «Еще чего выдумала - банкир! - рассмеялся ее товарищ. - Да это же Кальман, Имре Кальман! Театр «Ан дер Вин» готовит к постановке его новую оперетту «Герцогиня из Чикаго».

Случилось так, что Вера и Кальман одновременно встали из-за столиков и направились получать пальто. И вот тут их знакомству помогла грубиянка-гардеробщница, не желавшая подать Вере ее нарядку прежде, чем обслужит маэстро, хотя девушка была первой в очереди. Возмущенный грубым обращением к молодой особе, композитор счел нужным представиться Вере и предложить ей свою помощь. «У меня возникло чувство, будто мне протягивают ту пресловутую соломинку, за которую я могу хватиться», - вспоминала Вера. И как крик о помощи вырвалось: «Маэстро Кальман, мне так хотелось бы выступить в вашей оперетте, в «Герцогине из Чикаго!» Я знаю, что уже идут репетиции, что на каждую роль есть по несколько претендентов. Но может, и для меня сыщется пусть самая крохотная роль? Я буду счастливо выступать хоть статисткой! Прошу вас, умоляю!». Кальман был заинтригован. На следующий день Веру пригласили в театр, где с ней заключили контракт - она должна была выступить в качестве статистки в предстоящей премьеры. Девушка чувствовала себя такой счастливой, что, никого не видя, выскочила из театра и, придя домой, предлала мечтам о фантастической карьере. Неожиданно раздался телефонный звонок:

- Скажите, дитя мое, - тон Кальмана был отеческим, - отчего вы так поспешно убежали? И даже не попрощались!

Вопрос застал меня врасплох, и я не знала, что ответить.

- Я убежала, потому что - потому что мне срочно нужно было вернуться в пансион.

- Жаль. А я хотел вас пригласить вас отметить знаменательное событие. Отвечайте прямо: вы свободны сегодня вечером или у вас уже что-то намечено?»

Конечно же, Вера согласилась. Так начался головокружительный роман композитора и Веры Макинской, ставшей в скором времени Верой Кальман. «Никогда не забуду те сумасбродные недели. В глазах света - перед добрыми друзьями Имре Оскаром Штраусом и Ференцем Легаром, перед Грюнвальдом и Браммером, симпатичными либреттистами, с которыми Кальман намеревался и впрямь сотрудничать, - я была законной невестой Имре Кальмана».

В день премьеры оперетты «Герцогиня из Чикаго» Вера вышла на сцену незаметной статисткой. Однако в жизни композитора она сыграла куда более весомую роль, став хранительницей домашнего очага, любящей женой и матерью его детей. И хотя благодаря Кальману путь на сцену был для нее открыт, она вскоре поняла, что ее призвание не театральные подмостки. Судьба предназначила ей другую, куда более важную роль - роль жены великого композитора.

Для Имре Кальмана Верушка, как называл он свою жену, была не только супругой, которую он боготворил, она была его Музой. Именно ее судьба вдохновила композитора на создание одной из лучших своих оперетт «Фиалка Монмартра».

Вера Кальман родила мужу сына и двух дочерей. Композитор подробно описал в дневнике свои переживания, связанные с рождением первенца: «После того, как я узнал о начале события, я прошел к Верушке, она вела себя очень спокойно и мужественно. Мы тотчас же вызвали врача, который похвалил нас за то, что мы добились палаты в клинике. Верушка собрала свои вещи и то немногое из детского приданого, что мы купили заранее. Она была абсолютно спокойна и, можно сказать, счастлива. Ну а я, конечно, ужасно волновался. До девяти я пробыл у нее, а затем отправился в венгерский кабачок, где и отужинал в обществе Браммера и других. К десяти опять вернулся в клинику, и как раз в это время началась схватка. Я старался по часам определить, с какими интервалами они возобновляются. Настроение у Верушки было превосходное. Как только боли отпускали, она принималась шутить и успокаивала меня. По дороге домой у меня было такое чувство, что все свершится 17 ноября. Мне так хотелось бы, чтобы судьба подарила младенцу жизнь в день премьеры «Княгини Чардаша». Тут же ночью я стал рыться в воспоминаниях и в афишах и, к превеликой своей радости, установил: премьера «Княгини Чардаша», состоявшаяся в 1915 году, действительно приходилась на 17 ноября».

Кальману казалось, будто сама судьба распростерла над ним свои крылья. Карой (Чарли) Кальман пошел по стопам отца, став композитором. Одна из дочерей, Ивонн, вышла замуж за итальянского художника, другая, Лили, тоже вышла замуж, но сама стала художницей. С Верой, отказавшись от звания «почетного ариец», подаренного ему Гитлером, Кальман отправился в эмиграцию, очутившись в конце концов, как и большинство представителей европейской творческой интеллигенции, в Америке. Годы, прожитые вдали от родины, не принесли ему ни дальнейших творческих успехов, ни спокойствия в семейной жизни. Америка была тогда во власти ритмов джаза. Она искала свои пути развития музыкального театра, может быть, поэтому творчество Кальмана здесь мало кого интересовало.

В 1950 году, после инфаркта, Кальман вернулся в Европу. По просьбе жены они поселились в Париже. Правда, Кальман предпочел бы тихий, спокойный Цюрих, но для Верушки этот город был слишком провинциален. Она продолжала вести светскую жизнь, участвовала в благотворительных базарах, раутах и вечерах, а великий композитор тихо угасал в обществе преданной сиделки, старой левы Ирмагард Шпис. 30 октября 1953 года после завтрака он заснул, как оказался, навсегда.

Австрия провозглашала Кальмана со всей официальной пышностью. Его похоронили там, где он и зовещал, - на Центральном кладбище Вены, по соседству с могилами Бетховена, Брамса, Моцарта и Штрауса. А в родном его городе Шюффеле, в бывшем доме семейства, через несколько лет был открыт скромный музей.

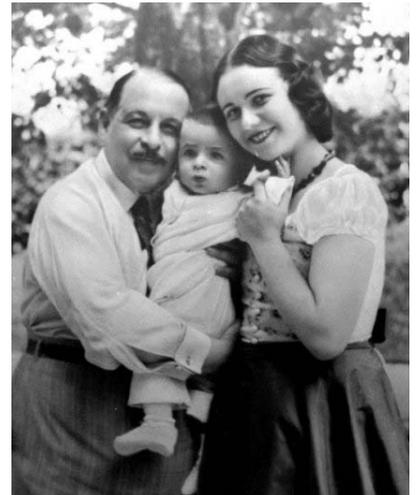
После смерти мужа Вера Кальман учредила Фонд памяти композитора и до конца своих дней являлась его председателем. Одна из главных целей фонда - присуждение стипендий одаренным молодым музыкантам всего мира.

Свою любовь и неустанную заботу друг о друге Имре и Вера пронесли через всю жизнь. «На могиле моего мужа установлена массивная плита черного мрамора, где высечено лишь его имя - и ничего более. Над плитой скорбно склонилась беломраморная муза. Десять дней в году - с 20 по 31 октября - я непременно проезжаю в Вене: 24 октября день рождения Имре, 30 октября он умер. В это время я ежедневно бываю на кладбище», - написала Вера.

Печально, что любой истории, даже самой прекрасной и романтической, всегда приходит конец.

Скончалась Вера Кальман в ночь на 26 ноября 1999 года в Цюрихе в возрасте 85 лет. Она умерла так же, как и ее муж, - во сне. Ее похоронили рядом с Имре Кальманом на Центральном кладбище в Вене.

<http://www.wmnsb.ru/rub/stars/1377-imre.html>



## Пунктик Антона Чехова

Большинство больших и малых писателей в своем творчестве прикипают к одной-двум темам и остаются верными им до конца творческой жизни.

Не подумайте, что основные мотивы в их произведениях возникают как бы случайно, и они ничем необъяснимы. Нет, эти темы, как правило, соответствуют предпочтениям, которые возникают в сознании писателей еще в юности под влиянием семейного воспитания, окружающей среды и характера. Такое пристрастие, к примеру, проявилось в творчестве известного русского писателя Антона Чехова в отношении крещения евреев.

В ранней юности писатель влюбился в еврейскую девушку, даже звал ее замуж, но обязательным условием для замужества выставил требование, чтобы невеста перешла в православную веру. После разрыва с Реве-Хавой Эфрос, так звали возлюбленную, в январе 1886 года влюбленный молодой человек писал В. Билибину, секретарю редакции журнала "Осколки": "Хватит мужества у богатой жидовочки принять православие с его последствиями - ладно, не хватит - и не нужно" (Полное собрание соч. в 13 томах, т. 7, стр. 30).

Однако у "жидовочки", так называл как бы влюбленный, но весьма расчётливый и циничный православный автор свою избранницу, "мужества" не хватило, креститься она не захотела и от замужества отказалась.

И поступила естественно и правильно, иначе бы ее ждала участь Анны Павловны, героини пьесы "Иванов", которую автор "заставил" креститься, чтобы она смогла выйти замуж за русского дворянина.

Да и сам Чехов, видимо, понимал, какие тяжёлые последствия грозили еврейской девушке за отказ от национальных традиций в угоду прихоти православного писателя.

Этот небольшой эпизод из личной жизни Чехова высветил, словно прожектором в российской тьме, истинное отношение русского интеллигента к еврейскому народу.

Первая неудача в любви наложила незабываемый отпечаток на сознание и творчество молодого Чехова. Уже через восемь месяцев, очевидно в порядке мести, он написал анекдотичную повесть "Тина", в которой постарался излить свое раздражение за непокладистость еврейской девушки, а заодно, и ненависть ко всему еврейскому роду.

Так появилось произведение, о котором З. Жаботинский сказал весьма резко, но совершенно справедливо и точно в адрес автора: "Случилось и ему однажды выругаться по адресу жидовки. Тогда он написал свою «Тину». Это анекдот еще более нелепый и неправдоподобный, чем тургеневский «Жид», настолько пошлый по сюжету, что и двух строк не хочется писать его передаче. Где это Чехову приснилось? Зачем это написало?"

Нужно заметить, что Чехова "прорывало" многократно и зачем-то писалось до конца жизни в том же недоброжелательном духе по отношению к нашему народу.

Идея приобщения евреев к православию преследовала семью Чехова, и именно эта навязчивая страсть помешала его сестре Марии связать свою судьбу с известным художником Исааком Левитаном. Он также отказался принять условия брачного союза, выдвинутые ее братом и связанные с переходом в православную веру.

Исаак Левитан остался Исааком Левитаном, честь и хвала художнику за мужество и принципиальность. Очередная месть писателя последовала в рассказе "Попрыгунья".

В этом произведении в образе безвольного, ничтожного и жалкого доктора Дымова, мужа неверной жены, читающая российская публика сразу увидела карикатуру на художника Левитана. Мария навсегда осталась незамужней женщиной, а Левитан увидел в рассказе пасквиль на свой роман с художницей С. Кувшинниковой и перестал общаться с семьей Чеховых.

Идея Чехова о крещении евреев достигла кульминационного воплощения в пьесе "Иванов", в которой автору, наконец-то, удалось согласан своей прихоти, заставить героиню Анну Петровну, урожденную Сарру Абрамсон, принять православие и уйти из отчего дома. Еврейские родители от нее отказались, а муж Иванов, образованный дворянин, напившись в очередной раз, в порыве гнева кричал своей жене: "Жидовка!"

От такой "любви" Анна Петровна хирела, тяжело болела, пока не скончалась, не оставив после себя потомства. Ее брак с русским дворянином, нервным и весьма вспыльчивым человеком, оказался бесплодным. Другого завершения этого неестественного брака в реальной русской жизни не могло и быть. И в этом смысле Чехова не подвел нух настоящего художника слова. Таким образом, мечта всей жизни Чехова оказалась вздорной и невыполнимой. Сам Чехом на протяжении жизни часто пользовался услугами платных дешевых женщин, был большим циником, со своей поздней и единственной женой актрисой О.Книппер-Чеховой предпочитал жить в разных городах и скончался таким же бездетным, как и его сестра Мария.

Биографии Чехова и его ближайшего окружения лишь подтвердили ущербность и бесплодность замысла писателя с замашками. Тема о том, что Чехов был бесконечным антисемитом, недостойна даже обсуждения, несмотря на глубокую привязанность многих наших читателей к творчеству этого автора. Прочтите в Полном собрании сочинений Чехова переписку писателя с многочисленными друзьями, в том числе его многолетнюю связь с черносотенцем А. Сувориним, редактором газеты "Новое время", в которой автор не стеснялся в выражениях и излагал свои мысли без лукавства. И вы поймете истинные предпочтения писателя.

Многие русские интеллигенты, как в прошлом, так и в наше время предпочитают скрывать свое негативное отношение к евреям. К литераторам еврейского происхождения Чехов относился снисходительно, по-барски, презирал многих из них.

Все еврейские образы в произведениях Чехова настолько карикатурны, субъективны и ничтожны, что слова Жаботинского к рассказу "Тина" можно отнести ко всему творчеству этого русского писателя, включая и пьесу "Иванов".

По поводу этой пьесы, как бы в ответ на замечания Жаботинского, сам Чехов подтвердил: "Лег спать, надумал тему и написал" (В. Левитина. Русский театр и евреи, 1988, т. 1, стр. 91).

Нелепый сюжет пьесы, как и предполагал Жаботинский, возник в сознании автора во сне, потому что тема принуждения российских евреев к крещению, преследовала Чехова до самой его смерти.

Владимир Опендук

### ХЭСЭД АГАМИМ

#### ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

ВОЗНЕСЕНСКУЮ Зою Васильевну

ГУТМАН Веру Николаевну

КАЙМИНУ Наталью Владимировну

#### МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Еврейская община имеет честь  
поздравить с Днем рождения

#### ЦВИБЕЛЬ ТАМАРУ СЕРГЕЕВНУ

пожелать здоровья, бодрости  
и до ста двадцати!

Еврейская община имеет честь  
поздравить с Днем рождения

#### КУРТИШ МИННУ ФАЙТЕЛЕВНУ

пожелать здоровья, бодрости  
и до ста двадцати!

### ПОСЛЕ ИСХОДА О СВОБОДЕ ГОВОРЯТ ВСЕГДА С ЕВРЕЙСКИМ АКЦЕНТОМ

Генрих Гейне

## Наша кухня

Хремзлах (сладкое пасхальное изделие)

Мука из мацы - 2 стакана; яйцо - 4-5 шт.; масло сливочное - 3 ст. л.; мед или варенье - 3 ст. л.; орехи зрелые (ядра) - 1/2 стакана; имбирь - 1/3 ч. л.; сахар - 3 ст. л.; соль - 1/4 ч. л.

Мацу хорошо истолочь в ступке или пропустить через мясорубку с мелкой решеткой. Поместить в миску. Залить одним стаканом подсоленной горячей воды, накрыть и дать постоять 15-20 минут. Когда масса остынет, добавить размягченное масло, растертое с желтками. Влить мед или варенье, положить орехи, имбирь и в последнюю очередь взбитые с сахаром белки, все хорошо размешать. Если масса окажется слишком густой, добавить 1-2 ст. ложки воды, если жидкой добавить немного муки. Тесто разделить на кусочки скатать в шарики величиной чуть больше куриного яйца и сформовать треугольники толщиной в 1.5-2 см. Запечь на сковороде с кипящим маслом до румяной корочки с одной и другой стороны. Подавать в холодном виде как десерт, можно с компотом или чаем.

#### Цукер-леках (пасхальный пирог)

Мука - 1 стакан; сахар - 1 стакан; яйцо - 4 шт.; сахар для обсыпки - 1 ст. ложка.

Желтки растереть с двумя столовыми ложками сахара до образования пышной массы, добавить муку и хорошо размешать. Белки взбить, постепенно добавляя сахар, до густой пены, смешать с желтками и мукой. На железный лист, смазанный маслом и подпыленный мукой, выложить чайной ложкой небольшие лепешки на расстоянии 3 см одна от другой, посыпать их сахаром, выпекать на среднем огне 10-12 минут.

## Приятного аппетита!